

Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей —
Устой,
От всех вестей —
Покой.

Эти явления в поэтическом тексте М. Цветаевой поддерживаются авторской пунктуацией. Обилие знаков препинания, жесткий ритм, обрывочность фраз, усложненная синтаксическая структура предложения больше, чем слов, и смысл стихотворения затемняется без его напряженного прочтения через пунктуационную призму. Пунктуация актуализирует логический и смысловой центры предложения, оформляет интонационный рисунок стихотворения, задает особый ритм, структурирует текст, открывая новые стороны в авторской картине мира.

М. Цветаева бережно относится к правилам нормативного синтаксиса, но в своих произведениях она создает особое, не подчиняющееся никаким нормам, не укладывающееся ни в какие рамки синтаксические структуры,

Примечания

1. Бродский, И.А. Поэт и проза / И.А. Бродский. Сочинения: В 4 т. — СПб.: КПО Пушкинский фонд, 1995.
2. Зубова, Л.В. Словотворчество в поэзии Марины Цветаевой: (Проблемы интерпретации окказионального словообразования): Учеб. пособ. по спецкурсу / Л.В. Зубова — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
3. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособ. для студентов вузов / Н.С. Валгина — М.: Логос, 2001.
4. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособ. / П.А. Лекант — 3-е изд., иеpr. и доп. — М.: Высш. шк., 2004.
5. Цветаева, М.И. Стихотворения / М.И. Цветаева — Казань: Таткнигиздат, 1983.

Главная цель данной статьи, ее изначальная установка — не выявить в поэзии Цветаевой христианские мотивы и образы, не оценить её с точки зрения христианства (как это часто бывает в современном литературоведении), а скорее, наоборот, оценить христианство с точки зрения поэзии Цветаевой, а точнее, с точки зрения того жизненного человеческого опыта, который отразился в ней. То есть данная статья — это рассмотрение в равной мере и поэзии Цветаевой в её мировоззренческом, идейно-содержательном аспекте, и самого христианского мировоззрения сквозь призму поэзии Цветаевой. Этим объясняется именно такое название.

Возникает вопрос: а правомерно ли ставить такую цель, сопоставимы ли эти явления, можно ли оценивать с позиции одного отдельного человека, пусть и гениального поэта, двухтысячелетнюю традицию, мировую религию, которая являлась, является и будет являться мировоззрением многих миллионов людей.

Ответ такой: да, можно. Цветаева признана мировым культурным сообществом как гениальный поэт, как серьёзная, глубокая личность, искренний человек, признана многими миллионами читателей, которые нашли в её поэзии отражение своих взглядов, своего жизненного опыта. Кроме того, за Цветаевой стоит не менее древняя, чем христианство, традиция мировой лирической поэзии. Поэзия Цветаевой — точно такая же часть общечеловеческого жизненного, культурного опыта, как и христианство. Такова наша точка зрения.

Христианство в статье понимается в самом широком, обобщённом виде как некое единое ядро христианского мировоззрения, которое приемлемо для большинства современных христиан. Конкретно же мы будем опираться на фундаментальный труд известного православного литературоведа, профессора Московской Духовной семинарии М.М. Дунаева, труд, получивший благословение патриарха, — «Православие и русская литература» [4; 5].

В самом обобщённом виде христианскому мировоззрению свойственно следующее: вера в Бога, в некую разумную благодатную мистическую силу; вера в бессмертие души, существование загробной вечной жизни, в страшный суд, рай и ад. Христиане считают лучшими, главными, важнейшими человеческими качествами доброту, смирение, способность к самоотверженному служению ближним, кротость, скромность, то есть самоумаление личности в той или иной форме и тем самым возвеличение её через единство с Богом. Самым страшным грехом считается гордыня, эгоизм — самовозвеличение отдельной личности, представление о её самостоятельной значимости, независимой от Бога и других людей. Гордыня и эгоизм — главные источники всяческого зла. Прелюбодеяние — всякая любовная связь вне брака —

один из важнейших грехов. Страсти, то есть сильные, эмоционально насыщенные земные плотские (да и не только плотские) влечения, греховны, они должны преодолеваться, смиряться, они разрушительны.

Таков кодекс современного христианина, всякое отступление от него — это уже по крайней мере ересь, то, что достойно порицания.

У Цветаевой есть стихотворения, написанные в самое разное время, которые вполне вписываются в этот кодекс, многие из них имеют форму молитвы — прямого обращения к Богу, многие полны истинно христианского смирения, кротости, тихого благоговения. В них утверждается вера в существование Бога, в страшный суд, ад и рай, в бессмертие души. Эта вера в тяжёлые моменты жизни часто является единственной надеждой, опорой в жизни лирической героини. Например, «Благословляю ежедневный труд» (1918), «Благодарю, о Господь» (1918), «Высокой горести моей» (1919), «Чужому» (1920), цикл «Бог» (1922), цикл «Магдалина» (1923), «Новогоднее» (1927), «Поэма Воздуха» (1927), «Ударило в виноградник» (1935). Абсолютно христианские чувства выражены в стихотворении «Ты проходишь на запад солнца» (1916) из цикла «Стихи к Блоку». В нём Блок назван святым.

...Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдёшь в снеговой тиши, Божий
праведник мой прекрасный, Свете
тихий моей души! И иод медленным
снегом стоя, Опущусь на колени в снег,
И во имя твоё святое Поцелую
вечерний снег...

Принципиально важно для Цветаевой утверждение, что её поэтический дар — дан ей свыше некой высшей мистической силой, то есть Богом, — «Я страница твоему перу» (1918), «Я счастлива жить образцово и просто» (1918), «Не смущаю, не пою» (1918): «Пишу то, что Богом задано».

Итак, с одной стороны, Цветаева вполне христианский поэт, она разделяет основные христианские принципы. Её душа знает христианские чувства. Но есть другая сторона.

В одном из вышеприведенных стихотворений Цветаева полна святого молитвенного благоговения, но к кому, к Блоку, к которому у большинства христиан отношение, мягко говоря, неоднозначное.

Романтическое и религиозное противопоставление мира земного и мира иного, высшего — у Цветаевой часто перерастает в ненависть к земной жизни, в стремление вырваться из неё, прекратить её, что никакая религия приветствовать не может.

О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,

Где вечностью мою правит
Разминовение минут.

(«Минута», 1923)

Об этом также стихотворения «Поезд» (1923), «Жизни» (1924), «Жив, а не умер» (1925) и др.

Более того, многие стихотворения Цветаевой атеистичны по сути, вопреки самой себе, она отрицает в них бессмертие души, существование загробного мира. Например, вся ранняя и наиболее известная лирика проникнута ужасом перед смертью, которая осознается как небытие, полное уничтожение. Самое известное стихотворение на эту тему «Уж сколько их упало в эту бездну» (1913); «Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли», и ни единого намёка на продолжение жизни в ином мире.

Есть и более поздние стихи с тем же смыслом. Большое известное стихотворение 1919 года «Тебе — через сто лет» — разговор с молодым человеком, который будет жить в будущем и будет в неё влюблен. Цветаева утверждает, что через сто лет она будет живее, ярче, привлекательнее всех реально живущих женщин, она будет жить, но не в ином мире, а в своей поэзии. Она верит в бессмертие, отнюдь не мистическое, религиозное, а поэтическое, не реальное, а вполне символическое.

Известное стихотворение 1935 года «Напрасно глазом, как гвоздём» — обращение к трагически погибшему молодому другу. В нём Цветаева почти прямо отказывается верить в бессмертие души. Вернее, даже если оно есть, поэта оно не устраивает. Душа, утратившая телесную оболочку и вознесённая на небеса, это уже нечто другое, это не тот человек, которого она любила на земле. Человека нет, а бесплотная душа Цветаеву не интересует.

Не ты — не ты — не ты — не ты,
Что бы ни пели нам попы...

«И если где-нибудь ты есть, так в нас», то есть человек остаётся жить только в памяти. А это уже чистый атеизм, прямое отрицание христианской религии.

Относительно существования Бога у Цветаевой есть стихотворение «Ночи без любимого» (1918), где она обращается к Тому, «кто от века не был — и не будет, кто не может быть и должен быть». То есть Бога на самом деле нет и даже не может быть, он только должен быть, то есть очень хочется, чтобы он был. Правда, эти слова можно трактовать и как утверждение веры вопреки рассудку, вопреки очевидному. Но общий мрачный контекст стихотворения скорее говорит об обратном.

В этом же 1918 году написано стихотворение, где отношение к Богу, даже к существующему, далеко не христианское. Бог оказывается жестоким. «Всех равно без промаху бьёт Господень цеп» («Есть колосья тучные, есть колосья тощие»).

А Бог? — По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждём!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвождён.

(«Стоят в чернорабочей хмури», 1922)

Более того, есть стихи, где Цветаева отрекается от Бога, Христа и отдаёт предпочтение их противоположности — родоначальнику ночи, то есть дьяволу: «Да будет день! — и тусклый день туманный» (1917); «Сказавший всем страстям: прости» (1920).

Христос сказал всем страстям «прости», отрёкся от них, и Цветаева, как человек природно страстный, понимает, что она овца не из его стада. Но есть в мире — чёрные стада, Другой пастух. Кто этот Другой пастух чёрных овец — грешников, объяснять не надо.

Грешная страстность — это самая суть, сущность Цветаевой как человека и поэта, без неё она ничто. Именно страстность пролегает бездной между ею и христианским Богом. Цветаева в своей поэзии неоднократно защищает себя, свою страстную природу, вступает в открытый конфликт с христианством, гордо называя себя грешницей. Она и была грешницей, ибо нарушила седьмую заповедь — «не прелюбодействуй». Она неоднократно изменяла мужу, влюблялась в других мужчин. А в 1914-1915 годах у неё была любовная связь с поэтессой Софьей Парнок [7, с. 36-44].

В 1915 году создан ряд ярких бунтарских стихотворений, прямо противопоставляющих живую человеческую страсть и Бога, религию.

Сердце — любовных зелий / Зелье — вернее всех.
Женщина с колыбели / Чей-нибудь смертный грех.
Ах, далеко до неба! / Губы — близки во мгле... —
Бог, не суди, ты не был / Женщиной на земле!

(«В гибельном фолианте»)

Заповедей не блюла, не ходила к причастью,
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными чувствами — всеми пятью!
Други, сообщники! Вы, чьи наущения жгучи!
Вы, соприступшики! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

(«Заповедей не блюла...»)

Последнее стихотворение касается серьёзного противоречия в христианстве. Бог — строгий судия, дал человеку десять заповедей,

и он же Бог-творец, который создал весь мир и человека так, что он не может не нарушать эти заповеди. Чувства, желания, страсти — изначально, природно присущи каждому человеку, кому больше, кому меньше — это то, что дано и не зависит от самого человека. Бог — истинная причина того, что он представил человеку как грех.

Цветаевой верность своей человеческой природе и природе вообще даёт уверенность в своей правоте.

Она, с одной стороны, осознаёт себя преступницей, грешницей, осознаёт свою вину, понимает, что после смерти будет гореть в аду (об этом во многих других стихотворениях, например в знаменитом «Мне нравится, что вы больны не мною» (1915)), понимает¹ грех именно как грех, не оправдывает его. Но, с другой стороны, отстаивает свою невинность, своё право на этот грех. Об этом ряд стихотворений 1919-1920 годов. Самое известное — «Пригвождена к позорному столбу» — первое в цикле «Пригвождена» (1920):

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной
С змеёю в сердце и с клеймом на лбу
Я утверждаю, что невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою за счастьем.

Здесь видно противопоставление страстной женщины и совести, где последняя — начало враждебное человеку, по существу, античеловечное. Совесть, нравственность — античеловечны. Вот стихотворение 1919 года «О нет, не узнает никто из вас»:

О нет, не узнает никто из вас,
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит.

Опять противопоставление молодой жизни и совести.

Стихотворение того же 1919 года «Закинув голову и опустив глаза» — описание предполагаемого Страшного суда над героиней как ее праздника и торжества. Известный исследователь творчества Цветаевой Павловский считает, что в героине преобладает чувство вины [6, с. 143-145]. На самом деле здесь совмещены ощущения вины и невиновности. Сама поза героини говорит об этом, она стоит, смиренно опустив глаза, но гордо закинув голову. Также здесь есть почти прямой вызов Богу: «Перед лицом твоим — гляди! — стою». В этих словах уже нет никакого смирения.

И нельзя сказать, что такие антихристианские настроения впоследствии были преодолены Цветаевой. Да, стихотворный цикл «Магдалина» (1923) написан уже с христианской точки зрения. Но одно из последних стихотворений («О, слёзы на глазах», 1939) содержит страстный богоборческий бунт.

Это значит, что оба противоположных мотива — христианский и антихристианский равноправно сосуществуют в поэзии Цветаевой и ни один не отменяет другого, не преобладает.

Легче всего осудить Цветаеву с религиозной точки зрения как грешницу, греховной гордыней объяснить её трагическую жизнь и нехристианскую смерть. С высоты ощущения собственной праведности посочувствовать заблудшей — «чёрной» — овечке, пожалеть её. Сказать, что если бы она обрела истинную веру, смирилась, то всё было бы хорошо. Именно так рассуждают наши «религиозные» литературоведы. Так, Дунаев написал, например, о Лермонтове — как человек, который разбирается в жизни лучше, чем поэт, и знает истину в последней инстанции [4].

Гораздо труднее понять, почему до конца своих дней (не таких коротких, как у Лермонтова) Цветаева так и не приняла до конца христианскую точку зрения. На мой взгляд, потому, что всем своим жизненным опытом, всем своим существом чувствовала, что в христианстве заключена лишь какая-то часть истины, но далеко не вся. Да, смирение, молитва благотворны для человека, и это Цветаева не раз переживала и отразила в стихах, но эмоциональная жизнь человека не может свестись к этому. Человеку необходима полнота жизни, весь спектр чувств — вплоть до страсти, которая не знает никаких пределов, в том числе нравственных.

С самого начала Цветаева принимала жизнь во всей её полноте. Одно из первых стихотворений «Следующей» (1910). Лирическая героиня, обращаясь к следующей подруге своего возлюбленного, призывает её уметь быть разной. — то нежной и мягкой, то страстной и грешной.

Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костёр!

Именно так. Безгрешность, святость часто бывают безмерно скучны, безжизненны. Иногда человеку нужен чудовищный костёр, страсть, грех.

Цветаева утверждала это не только в поэзии. В своей главной теоретической статье «Искусство при свете совести» (1932) она в целом признаёт, что искусство должно служить высоким нравственным целям, пробуждать добрые чувства. Но иногда искусство выше нравственности, совести. «Художественное творчество в иных случаях — атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия, тот нравственный изъян,

без которого искусству не быть. Чтобы быть хорошим, искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя» [3, с. 394].

В этой статье Цветаева также выводит очень важный закон — закон данного часа жизни. Жизнь многообразна, и единых рецептов, вечных критериев оценки на все случаи жизни нет. Есть закон данного часа. Есть час, когда искусство, страсть выше нравственности; есть час, когда нравственность выше всего.

По этому закону данного часа Цветаева и писала свои противоречащие друг другу стихи.

Итак, вдумаясь, великий поэт, признанный всеми, включённый во все программы, утверждает, что есть такие моменты в жизни, когда грех, нарушение не только христианских, но и обычных нравственных человеческих норм и правил поведения оправданы, необходимы. Цветаева свидетельствует о том, что часто жизнь и христианство вступают в непримиримое противоречие, а именно когда христианство стремится подчинить себе жизнь человека целиком. Великий поэт, по сути, ниспровергает господствующую до сих пор мировоззренческую, этическую систему всей европоцентричной, а значит и христианоцентричной человеческой цивилизации. То же самое в той или иной мере делали до неё Байрон, Лермонтов, Ницше, русские поэты-декаденты (старшие символисты), Блок.

Вряд ли эти поэты (Ницше, этого великого страстного философа можно тоже назвать поэтом), серьёзные, глубокие, искренние, все заблуждались. Они в своём творчестве засвидетельствовали гораздо более сложное, противоречивое устройство бытия, чем это принято считать, и на этом фоне христианство выглядит уже устаревшим, значительно упрощающим картину мира и в целом неприемлемым для современного человека уже в силу своего непреодолимого догматизма. По крайней мере есть повод очень серьёзно задуматься.

Примечания

1. Цветаева, М.И. Осыпались листья над вашей могилой: Стихотворения, поэмы / М.И. Цветаева. — Казань, 1990. — 542 с.
2. Цветаева, М.И. Стихотворения. Поэмы / М.И. Цветаева. — М., 1991. — 688 с.
3. Цветаева, М.И. Искусство при свете совести / М.И. Цветаева // М.И. Цветаева. Сочинения: В 2-х т. Т. 2: Проза; Письма. — М., [1988. — С. 375-407.
4. Дунаев, М.М. Православие и русская литература: Ч. 1-2 / М.М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 2001.
5. Дунаев, М.М. Православие и русская литература: Ч. 5 / М.М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 1999.
6. Павловский, А. Кустаньяны. О поэзии Марины Цветаевой: Монография / А. Павловский. — Л., 1989.
7. Саакянц, А.А. Твой миг, твой день, твой век: Жизнь Марины Цветаевой / А.А. Саакянц. — М., 2002

